

ВОЗМОЖНОСТЬ ТЕХНИКИ

Часть III

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ФРИДРИХА ДЕССАУЭРА

А.Н. Павленко

Eritis sicut Deus...

(Gen. 3.5.)

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ ДЕССАУЭРА

Фридрих Дессауэр родился 19 июля 1881 г. в Ашаффенбурге на Майне (Германия). В 1920 г. получил место профессора в университете во Франкфурте-на-Майне. С 1921 по 1933 г. был ординарным профессором, а затем директором Института физических оснований медицины в этом же университете, первом биофизическом институте в высшей школе тогдашней Германии (сегодня институт Макса Планка). С 1924 по 1933 г. член Рейхстага. В 1933–1934 г. подвергся преследованиям со стороны национал-социалистов, с 1934 г. получает место ординарного профессора в университете Стамбула (Турция) по специальности радиология и биофизика. С 1937 по 1953 г. ординарный профессор и директор Физического института Университета во Фрибурге (Швейцария). С 1946 г. снова занимает должность профессора в университете имени Вольфганга Гёте во Франкфурте-на-Майне. Позднее становится почётным профессором того же университета.

К числу собственных технических достижений Дессауэра относят разработку метода рентгеновского облучения при лечении внутренних болезней. Дессауэру принадлежат также многочисленные изобретения, предназначенные для совершенствования рентгеновского аппарата. Дессауэр первым применил рентгеновский аппарат для рентгенокинематографии, благодаря которой впервые стало возможным изображение рентгенокинематограммы человеческого сердца, полученное Дессауэром впервые в 1909 г.

Профессор Фридрих Дессауэр был доктором философии, доктором медицины, доктором теологии и доктором инженерных наук.

Скончался Фридрих Дессауэр 16 февраля 1963 г. во Франкфурте-на-Майне.

1. ВВЕДЕНИЕ

Постановка вопроса о “возможности техники” есть в то же время постановка вопроса об её сущности. В ранее публиковав-

шихся разделах на эту тему мы уже проанализировали понимание сущности техники у о. Павла Флоренского и Мартина Хайдеггера¹.

В настоящей работе будет предпринят следующий шаг – рассмотрена система взглядов известного немецкого исследователя феномена техники – Фридриха Дессауэра, которая вызывала и продолжает вызывать реакцию среди специалистов в этой области как в самой Германии, так и за её пределами. По понятным причинам – период творческой активности Дессауэра пришёлся на временной отрезок приблизительно с 1908 по 1956 г. – его имя либо вообще неизвестно, либо малоизвестно российской философской и научной аудитории. Между тем, в зарубежной литературе существуют значительные по объёму исследования его творчества, критические реакции на его позицию, полемика и дискуссии². Такой интерес к творчеству и философской позиции Дессауэра вызван не столько даже публикацией нескольких его капитальных исследований по философии техники и науки, сколько – об этом можно теперь говорить уверенно – его оригинальной концепцией, совершенно не укладывающейся в “практико-прагматические” стандарты объяснения природы техники, её назначения, а главное – её сущности в современной ему и нам литературе.

Фридрих Дессауэр придерживался таких взглядов в объяснении сущности техники, которые по его собственному признанию были близки платонизму³. Это настроение его мыслей было настолько нетипичным в современную ему эпоху, что по признанию исследователя его творчества Клауса Тюхеля, “сегодня нет или почти нет мыслителей, кто думал бы аналогичным образом”⁴. К числу тех редких исключений, которые только подтверждали это правило, Тюхель относит Николая Гартмана с его замечаниями о “революционном духе техники”⁵, да

---

¹ См.: Павленко А.Н. Возможность техники: взгляд из Лавры и голос из Марбурга //Историко-философский ежегодник '02. М.: Наука; ИФРАН, 2002. С. 386–408.

² Достаточно сослаться на работу Клауса Тюхеля: *Tüchel K. Die Philosophie der Technik bei Friedrich Dessauer. Ihre Entwicklung, Motive und Grenzen.* Frankfurt a.M.: Verlag Josef Knecht, 1964.

³ Как замечает сам Дессауэр в “Предварительных замечаниях” к своей первой монографии “Философия техники”, исследования техники как реализации некоторых идей “ведет нас, хотя и не во всё, к соседству с учением Платона” (*Dessauer Fr. Philosophie der Technik. Das Problem der Realisierung.* Bonn: Verlag von Fr. Cohen, 1927. S. VIII).

⁴ *Ibid.* S.13–14.

⁵ *Hartman N. Das Problem des geistigen Seins.* Berlin: De Gruyter, 1949.

еще размышления Мартина Хайдеггера о “раскрытии тайны” и “потаённости”⁶.

Заметим, что изложение Дессауэром своих взглядов приходится на “сверхпросвещённый” XX век, когда из науки, искусства, техники, философии, словом – отовсюду, изгоняются “идеальные сущности”, когда “идеальное” объявляется “функцией мозга”, “пустым понятием” без денотата, “пережитком” докритического (дологического) мышления...

Несмотря на такое “упорство” эпохи, Дессауэр последовательно – в течение 50 лет – выступает с докладами, публикует подборки статей, а также несколько книг по “философии техники”, в которых обосновывает необходимость “идеального мира” для объяснения сущности техники. Так, уже в 1907 г. Дессауэр, будучи ещё сравнительно молодым человеком, публикует цикл статей под общим заголовком “Техническая культура” (*Technische Kultur*) в журнале “*Hochland*”, где высказывает мысль о существовании “закона развития техники”.

Однако первым крупным исследованием, которое принесло Ф. Дессауэру широкую известность в рассматриваемой нами области, является монография “Философия техники. Проблема реализации”⁷.

Спустя почти 30 лет Дессауэр суммирует свои взгляды на сущность техники в другой монографии – “Спор о технике. Краткое изложение”⁸.

Здесь Дессауэр представляет свою концепцию в развернутом и расширенном виде, развивая и уточняя многие положения из “Философии техники”.

В самом деле “технический проект” Дессауэра есть тот редкий случай в европейской мысли XX в., когда платонизм оказывается востребованным, органично переработанным и использованным без плоского компилирования. Именно таким творческим применением платоновских взглядов к объяснению природы техники – прежде всего “современной техники”, – на наш взгляд, так и интересен Дессауэр.

Итак, обратимся к рассмотрению его взглядов непосредственно.

⁶ Heidegger M. *Gelassenheit*. Pfullingen: Neske Verlag, 1959.

⁷ Dessauer Fr. *Philosophie der Technik. Das Problem der Realisierung*. Bonn: Verlag von Fr. Cohen 1927.

⁸ Dessauer Fr. *Streit um die Technik. Kurzfassung*. Frankfurt a. M.: Herder-Bücherei, 1956. Bd. 53.

Далее везде мы будем ссылаться на более позднее, четвёртое, переиздание этой работы: *Dessauer Fr. Streit um die Technik. Kurzfassung*: Verlag Herder KG; Freiburg im Breisgau, 1959.

В своей первой серьёзной работе по философии техники “Техническая культура” Дессауэр вводит понятие “Закон развития техники” (“*Entwicklungsgesetz der Technik*”). Смысл этого понятия сводится Дессауэром к тому, “*что прогресс человечества порождается прогрессом техники, обретая благодаря последнему устремлённость вперёд, имея его в качестве предпосылки как для его (прогресса человечества. – А.П.) конкретности, так и для меры его осуществления, причём так, что эта зависимость – применяя его (прогресс человечества. – А.П.) в глобальном масштабе и к различным временам, мы могли бы сказать: соразмерность – есть величайший, могущественный, фундаментальный закон, который характеризует развитие человеческой духовной культуры в целом*”⁹.

В этой работе Дессауэр понимает под техникой не “машинную технику”, но всю совершаемую и совершавшуюся деятельность человечества, которая направлена на внешний мир. В этом случае техника становится в некотором роде *искусством*.

Но что же тогда характеризует приведенный выше закон? Тюхель критически замечает, что согласно такой интерпретации закона – когда закон не касается ни узкого толкования техники, как только “техники машинной”, ни её расширенного толкования, как некоторого общекультурного искусства – он говорит скорее о “количественной определённости устойчивого отношения между техникой как внешней формой проявления культуры и внутренней культурой, представленной метафизикой и искусством...”¹⁰. Действительно, согласно Дессауэру, техника – это способ, каким конкретный народ утверждает свое могущество и власть над миром.

Исключительное значение здесь приобретает вопрос: существует ли *цель* развития человечества, подчиненная этому закону? В завершающем разделе работы мы увидим, что Дессауэр дает на этот вопрос вполне определенный философско-религиозный ответ. Но прежде чем получить ответ на “последний” вопрос о понимании техники, данный Дессауэром, следует начать с ответа на вопрос “первый”: где коренится исток техники и в чём её сущность?

⁹ Мы, к сожалению, не имеем в своем распоряжении оригинальной работы Дессауэра “*Technische Kultur*”, поэтому приводим определение “закона развития техники” по работе исследователя его творчества Клауса Тюхеля (*Tüchel K. Op. cit. S. 12*), где оно приводится без сокращений.

¹⁰ *Tüchel K. Op. cit. S. 20.*

3. СОКРАТИЧЕСКИЙ ИСТОК ТЕХНИЧЕСКОГО (Сократ и техника)

По мнению Дессауэра техника – как нечто “техническое” – впервые обнаруживается у Сократа. Почему же родоначальником “технического” Дессауэром выбран именно Сократ? Причины следующие.

Сократ и по своему происхождению (мать была повитухой, отец – каменотесом) и по образу мыслей был “прирожденным техником”. Почти все примеры, которыми пользуется Сократ для изложения собственных взглядов, заимствованы им из ремесленной деятельности, а попросту говоря, – из техники. Вот как описывает “генезис” сократической техники Дессауэр:

Сократ был профессиональным каменотесом, т.е. ремесленником, как и его отец. В обществе того времени это было достаточно низкое социальное положение. Однако философ, обнаружившийся в нем, отказывается от занятий этой технической профессией, поскольку она была ручной. В то же самое время он произвел мощное воздействие на Афины, особенно в юности, и хотя сам он ничего не записывал, он стал всемирно известным философом, благодаря его великому ученику Платону, а также ученику последнего – Аристотелю. Мы знаем о нём от Ксенофонта, но главным образом от Платона и Аристотеля... Сократ вводит в круг обсуждения две серьезнейшие темы : тему истины (знания) и тему Блага (ценности). Эти два функциональных вопроса философии оказываются в центре внимания философов во все времена, как, например, и в эпоху И. Канта, двумя тысячелетиями позже, в форме знаменитых четырех вопросов (в его логике) (курсив мой – А.П.)¹¹.

Итак, Дессауэр показывает, что Сократ не просто рассуждает об “истине” и “благе”, но пытается их связать в нечто единое.

Каким же образом Сократу удастся объединить истину (знание) и Благо (ценности)? По мнению Дессауэра, сократическая философия создала “модель техники”, в которой он объединил “добродетель со знанием”. В самом деле, будучи техником, Сократ прекрасно знал, что любому техническому изделию предшествует “знание о вещи”¹². Это *первое* условие необходимо, ибо без его выполнимости “оказывается невозможным возникновение техники из донаучного – примитивного – знания о природе”¹³. *Второе*, в чём был уверен Сократ, заключается в том, что все технические предметы (изделия) обусловлены *целями* человека. Из этого, в свою очередь, следует *третье*: до возникновения образа изделия, некий его эйдос, его *замысел*

¹¹ Dessauer F. Streit um die Technik. S. 60.

¹² Ibid. S. 63.

¹³ Ibid.

должен быть увиден человеком в душе. Другими словами, некая “идея” этого изделия должна *предсуществовать* всему этому. *Четвертый* шаг предполагает сам процесс изготовления “технического изделия”, благодаря соединению замысла и действия, “направляемого целью”. Здесь “дело” (Ergon) становится “изделием” (Organon). Дело соответствует “цели”, а изделие – “назначению” (Zweck). *Пятый* шаг. Благодаря уже наличествующим условиям, замысел (Phronesis) претворяется в жизнь не произвольно, не случайно, но в соответствии с уже замысленным. И наконец, на *шестом* шаге выполняется назначение (das Zweck), которое в глазах техника выступало как цель, имеющая ценность, – а цель в свою очередь одновременно оборачивается *благом* для этого назначения. Таким образом, учение Сократа вступало в мир ценностей и блага. В самом деле, ведь *благом и является то, что достигает цели!*

Это легко понять в том смысле, что *достижение цели есть, одновременно осуществление полноты*. Полнота есть свидетельство “блага” по отношению ко всему предшествующему процессу “замысливания”, “изготовления” и т.д. Всё, что *доделано* – достигло полноты. Всё “недоделанное” – ущербно. В технике “недоделанное” выступает как “недоработанное”, или ещё точнее “недоведенное” до своей цели – полноты. “Доводка изделия” – характерный оборот из инженерного и конструкторского словаря. В природе – “недоделанное” выступает как “уродство”, т.е. “дисгармоничность” и “диспропорция”.

И действительно, приведённые выше шесть пунктов понимания технического сохраняют свою силу по сей день в объяснении природы техники. Конечно, Сократ не мог и предположить всего многообразия форм проявления техники, которое открывается перед человеком нашего времени. Сократ не видел ещё в полной мере и различия техники с другими видами человеческой деятельности. Однако его стратегия – связать замысел с его осуществлением, “цель” изделия с его “назначением” оказалась, по мнению Дессауэра, исключительно продуктивной. Платон, полагает Дессауэр, заимствует сократическую технику именно как “мысленную модель” для исследования Истины и Блага. Причем эта трансформация сохранила за техно-мыслью (das Techne-Denken) телеологическую направленность. Телеология – как инструмент скорее Аристотеля, нежели Платона – открывает для Дессауэра всю панораму “техники”: от её сущности, истоков, до претворения в жизнь в конкретных изделиях.

Среди существующих и наиболее распространённых интерпретаций техники Дессауэр выделяет – как образец неверного

хода в объяснении её природы – концепцию Эрнста Каппа об “органопроекции”¹⁴. По мнению Каппа, человек “копирует в технике “подсмотренное” в природе, в биологических организмах. Согласно этому подходу “техническое” уже *есть* в *материальной природе*, и человек лишь копирует его. С точки зрения Дессауэра, это – влияние биологизма¹⁵. Поэтому, для него ближе феноменологический подход Э. Гуссерля, допускающий “сущности” явлений, и теория “объектов” А. Мейнонга.

По мнению Дессауэра, *объекту* необходимо дать возможность выразиться самому. Объект – речь здесь идет о сущности техники – от нас ускользает и, следовательно, наша задача заключается в том, чтобы его “схватить” (познать) таким, каков он есть “у себя и для себя”¹⁶. Нельзя ему ничего добавлять и у него нельзя ничего отнимать.

Итак, рассмотреть технику, как утверждающий себя в изделии технологически ориентированный *замысел*, – значит объяснить, по мнению Дессауэра, её *сущность*. Здесь мы подходим к различию понимания “цели” (Ziel) и “назначения” (Zweck), которое в вопросе объяснения природы техники приобретает в концепции Дессауэра решающее значение.

4. РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ZWECK И ZIEL

Даже самое поверхностное приближение к истории человечества свидетельствует о том, что человек всегда был *творцом, изобретателем, конструктором* (Gestalter) и в этом смысле – “техником”. В самом деле человек прежде всего *исследует* свой предмет. В этом он выступает как Homo Investigator. Исследуя, человек предлагает новые решения проблем. “Человек, – говорит Дессауэр, – в своём существе является также Homo inventor, изобретателем, конструирующим созданием”. Но и Homo faber есть тоже вырабатывающий или производящий человек. Он переносит свои формы из внутреннего мира во внешний. Душа проецирует на природу свои оформленные представления и образы. Здесь мы видим буквальное сходство понимания и проецирующей способности души у Дессауэра и

¹⁴ См.: *Kapp E. Grundlinien einer Philosophie der Technik. Braunschweig, 1877.*

¹⁵ Заметим, что именно у Эрнста Каппа отец Павел Флоренский заимствовал сам термин “органопроекция”, хотя и наделил его другим смыслом. Согласно Флоренскому, человек проецирует вовне образы своей души, а не “схемы и формы своего тела”.

¹⁶ *Dessaue F. Streit um die Technik. S. 66.*

Флоренского. Эти душевные формы представлений имеют тройкий характер:

- они извлечены из природы,
- они приведены из неналичности в наличие,
- они связаны с закономерностями.

Действительно, любая техническая вещь – например “медицинская таблетка” – указывает на её *затребованность* обществом. То, что затребовано обществом, имеет свое *назначение*. Так в чём же отличие “назначения” (Zweck) от “цели” (Ziel)?

Понимание различия между ними приблизит нас ещё больше к пониманию сущности техники. Самое первое отличие, буквально бросающееся в глаза, состоит в том, что человек способен *осознанно целенаправленно* и стремиться к *цели*. Но прибор (Gerät) – не может! Прибор, как лишенный сознания, способен лишь выполнять своё *назначение*. Дессауэр приводит очень показательный довод в пользу своего аргумента. Например, микроскоп выполняет своё *назначение*, когда делает видимыми в хорошем разрешении крошечные объекты. Однако прежде чем осуществился микроскоп и его назначение, до всего этого, должна была уже существовать *цель* изобретателя, конструктора и изготовителя микроскопа.

“Цель предшествует назначению!” – таков главный тезис Дессауэра в рамках обсуждаемого им вопроса о временной последовательности взаимоотношения “цели и назначения”.

Итак, Дессауэр, как дотошный учёный, фиксирует существенный для него результат – между “целью” и “назначением” существует временная асимметрия: сначала возникает цель, которая приводит к рождению того, что имеет назначение. Здесь, в этом временном зазоре, и возникает самый необъяснимый пункт в появлении техники:

Тайна сущности техники скрывается в вопросе: как такое возможно, что пространственные и временные формы (приборы и процессы) появляются в конце концов из внутренне независимых и одновременно представляемых и намечаемых целей, которые (приборы и процессы. – А.П.) благодаря их свойствам (их естественно-научной и целевой форме [структуре]) содержат в себе пригодное для исполнения назначение, содержат то, что человек видит в своём сознании как цель?¹⁷

Этот вопрос можно выразить лаконично: как идеи осуществляются в вещах?

По мнению Дессауэра, в этом случае не обойтись одной психологией (конструирующим воображением) – как это предложит

¹⁷ Ibid. S. 71.

сделать позднее Г. Рополь¹⁸, равно как не обойтись и одной антропологией. Здесь необходима, по мнению Дессауэра, *метафизическая основа*.

И вот тут мы подходим к самому сокровенному в философии техники Дессауэра – к вопросу о “происхождении техники”. С чем уж не сможет не согласиться ни один исследователь техники, так это с тем, что до самого акта *изобретения* технические объекты не существовали. Их попросту не было в наличном мире. Например, в мире не существовало “микроскопа” до его изобретения. Не существовало “заднего и переднего привода автомобиля”, о котором говорит Г. Рополь¹⁹. Что же отсюда следует? Означает ли возникновение этих приборов (устройств) – их изобретение – “удачную” игру человеческого воображения? Если мы ответим на этот вопрос положительно, значит окажемся в области сознания, которое есть область психики человеческой личности. Следовательно, свои права на объяснение истоков техники – как именно продукта “воображения” – в конечном счёте объявит психология! Возможно ли такое развитие событий?

Дессауэр совершает, с нашей точки зрения, оригинальный шаг, который преодолевает “психологическую редукцию” природы техники. Он выявляет в техническом изделии то, что не зависит от психики, вообще от чего-либо человеческого. Дессауэр обнаруживает, что:

Качество так существующего объекта, каким является микроскоп, уже было в космосе, иначе оно не могло бы быть изобретено.

Что значит “*качество* так существующего объекта уже было в космосе”? Это значит, что бытие мира, в котором возник микроскоп, уже изначально было *устроено* таким образом, что содержало в себе – ещё до всякого акта изобретения – *возможность увеличивать (уменьшать)* оптический размер содержащихся в нём объектов.

¹⁸ “Я хотел бы дать понять читателю, – пишет Рополь, – что я, со своей стороны, рассматриваю изобретение как первичное, противоприродное произведение человеческого сознания”. Достигается такое творчество, по мнению Рополя, за счет “планирующей, интеллектуально управляемой и направленной на будущее деятельности, а также за счет человеческой способности, в представлении перемещать в пространстве и времени, комбинировать любую черту наличного” (*Рополь Г. Техника как противоположность природы // Философия техники в ФРГ. М.: Прогресс, 1989. С. 216.*

¹⁹ *Рополь Г. Указ. соч. С. 211.*

Если использовать уже применявшееся в предшествующем исследовании понятие “Пропись”²⁰, то мы с очевидностью вынуждены признать, что Дессауэр вплотную подошёл к аналогичному пониманию структуры бытия: “микроскоп”, как описанное выше качество бытия мира, уже содержался в Прописи бытия. Следовательно, “задний и передний приводы автомобиля” из примера приведённого Рополем также содержались в ней как именно “качества”, т.е. как сама возможность связывать управление автомобилем или передавать колесам движение от двигателя с помощью “заднего и переднего приводов”.

Говоря о существовании в космосе качеств, имеющих место до всякого изобретения прибора, который выступает как их овеществление (наделение идеи свойствами пространства и времени), Дессауэр занимает явно проплатоновскую позицию в объяснении сущности техники.

Однако здесь чрезвычайно важным оказывается следующий пункт: что в самом бытии *допускает возможность* существования определенного рода качеств, а что *запрещает*? Ни у Флоренского, ни у Хайдеггера мы не находим подобной постановки вопроса.

Итак, *что* допускает технику в наличный мир?

5. ТЕХНИКА И ЗАКОНЫ ПРИРОДЫ

5.1. ЗАКОНОСООБРАЗНОСТЬ ТЕХНИКИ

Уже в своей первой работе “Философия техники”, Дессауэр начинает “оправдание техники” с того, что выделяет её “естественносообразность”: “Техника никогда не находилась в противоречии с законами природы, наоборот, она всегда соответствовала им... человеческий дух всегда был созвучен законам природы, и всё же сам он не есть техника”²¹. Мы видим, что техника соответствует законам природы и как изделие (поскольку не содержит противоречие), и как идея (поскольку человеческое мышление содержит те же законы, что и сама природа).

Действительно, этим Дессауэр затрагивает один из самых серьезных вопросов, связанных с основаниями техники, – вопрос, который не утратил своей глубины по настоящее время: почему

²⁰ См.: Павленко А.Н. Возможность техники: взгляд из Лавры и голос из Марбурга. С. 390–392. См. также: *Он же*. Прописи бытия (о временной сущности техники) // Человек. 2003. № 5. С. 5–15.

²¹ *Dessaue F. Philosophie der Technik. Das Problem der Realisierung. S. 4.*

техника комплиментарна законам природы? Этот же вопрос можно выразить другими словами: почему именно *такая техника* оказывается сообразна именно *таким законам* природы?

Для ответа на этот вопрос Дессауэр чётко формулирует свою онтологическую позицию:

Все технические объекты изобретены, до этого “не существовали”, не были до этого в наличии. До его изобретения не существовало никакого микроскопа. Но качество так существующего объекта, каким является микроскоп, уже было в космосе – иначе он не мог бы быть изобретён²².

Этот тезис Дессауэра легко прочитывается сознанием, воспитанным в антропной аргументации²³. И в первом, и во втором случае мы обнаруживаем корреляцию. Во втором случае – корреляцию свойств и качеств наблюдателя со свойствами и качествами физической Вселенной, а в первом – свойств и качеств технических объектов законам и характеристикам природы:

Не существует никаких технических объектов (созданий) противоречащих природным законам или внешних им²⁴.

На первый взгляд и антропная корреляция в космологии (физике), и корреляция технических объектов законам природы выглядят как банальная тавтология. Действительно, а какие же ещё приборы (технические изделия) могут *быть*, как не те, которые сообразны природе? Однако, следуя логике новейшей многомировой теории в космологии, мы могли бы ответить: в нашем мире, где мы суть наблюдатели и создатели техники, она и не может быть другой, но там, где нас нет, и где – другие законы, возможно, существуют другие наблюдатели с другими техническими изделиями.

Дессауэр, в его авторской версии, даёт философское объяснение этой сообразности техники законам природы:

Этот каузальный природосообразный процесс направляется к осуществлению цели, он определён завершением или телеологически²⁵.

При этом Дессауэр признает, что в неорганических науках (физике, химии) конечный исход не очевиден. Наоборот, в органических науках обнаруживается конечный исход (Zug), который направлен на цельность живых организмов.

²² Dessauer F. Streit um die Technik. S. 71.

²³ Речь идёт о сформулированном в 60–70-е годы прошлого столетия Антропном космологическом принципе. См.: Павленко А.Н. Европейская космология: основания эпистемологического поворота. М.: ИНТРАДА, 1997. Гл. 4, § 4.3.

²⁴ Dessauer F. Streit um die Technik. S. 71.

²⁵ Ibid.

Такой же цельностью обладают и технические изделия. Первая, или главная, характеристика технического объекта состоит в его “строгой цельности” (in der strengen Bindung)²⁶, поскольку она служит его назначению (Zweck), соответствуя законам природы²⁷.

Мы видим, что и живые объекты, и технические объекты – в отличие от неорганической природы – имеют одну общую универсальную черту: их существование подчинено цели. Совсем не случайно Дессауэр находит поддержку у Канта, который допускал “*Technica naturalis*” живых существ, благодаря целеполаганию. Как мы помним, Флоренский также полагал, что техника и биология идут “рука об руку”, “дополняя друг друга”²⁸.

Дессауэр, говоря о законосообразности техники, отмечает ещё одну существенную черту этой связи: техническое изобретение есть нечто большее, чем просто “прикладное естествознание”²⁹. Всякое изобретение даёт в отношении к простой сумме знаний (пусть даже и известных законов природы) *избыточное приращение*. Так, например, часы есть “нечто большее, чем часовая комбинация, чем просто суммирование стрелок, маятников, колёсиков, пружин”³⁰. Дело в том, что часы, обладая цельностью часов, осуществляют своё назначение (Zweck) – показывать время, которое служит некоторой цели (Ziel). Но! Каждая деталь часов в отдельности этого делать не может. Здесь мы имеем дело с неаддитивной суммой частей. “Измерение времени, – говорит Дессауэр, – есть избыточная “более-чем-сумма” (Mehr-als-Summe) частей. Целостная структура, окончательно упорядоченное единство впервые воплощается в часах”³¹.

5.2. ЗАКОНОПОДЧИНЕНИЕ ТЕХНИКИ

Связь техники с законами природы проявляется не только в том, что техника “по определению” сообразна законам природы, “соблюдает” их и в своих формах определяется ими. Простейший тому пример – целая техническая область “Сопrotивление материалов”.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid.

²⁸ П.А. Флоренский говорит: “Техника может и должна провоцировать биологию, как биология – технику. В себе и вообще в жизни открываем мы еще неосуществленную технику; в технике – еще не исследованные стороны жизни. Линия техники и линия жизни идут параллельно друг другу...” (Свящ. Павел Флоренский, Органопроекция // Соч.: В 4 т. М.: Мысль. 2000. Т. 3(1). С. 421.

²⁹ Dessauer F. Streit um die Technik. S. 86.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid.

Однако не только этим техника связана с законами природы. Техника в своём истоке – на стадии рождения технического изделия (прибора, инструмента, приспособления) – подчинена законам природы. И вот в каком смысле. Возьмём в качестве примера изобретение колеса, которое, как именно созданное человеком “колесо”, в природе не существует. По мнению Дессауэра, сам “способ действия колеса” строго обусловлен законами природы, это означает, что “законы природы всегда уже даны в наличии”³².

Это значит, что любые технические изобретения человека не могут быть “какими угодно”, что “буйство и игра человеческой фантазии” отнюдь не беспредельны, но обязательно *подчинены* этим законам!

5.3. ЗАКОНОВОЗМОЖНОСТЬ ТЕХНИКИ

Из зафиксированности подчинения техники законам природы вытекает по существу ещё одно важное следствие: в ненаполненной техническими изобретениями человека природе уже изначально содержится возможность строго законосообразных технических изобретений:

Эта недвусмысленность чёткой округлой формы колеса есть разгадка его осуществлённой сущности, как позволения (Lösung) быть “бытием именно таким” (Sosein), или, как говорили прежние философы, его “Quidditas”, его “чтойность” была также предана, “ожидала”, так сказать, своего изобретателя”³³.

Из слов Дессауэра видно: “чтойность” колеса, сообразная законам природы, содержалась в самом бытии как “возможность”. “Sosein” колеса, его “определенная форма”, была предопределена. Не будучи действительной, эта “чтойность” была уже здесь, правда, – без существования в наличном мире.

6. ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ТЕХНИКИ

Далее Дессауэр задаётся вопросом: можем ли мы сказать, что раз нечто не проявляется, то оно и не существует? В самом деле, если мы признаём “существование” непроявленного, то *где же оно существует?* По мнению Дессауэра, в этом случае “техническое” существует не в области действительно сущего, а в области *возможного!* Но это ведь полушаг. Возможное тем и отличается от действительного, что не является им, т.е. возможность *недей-*

³² Ibid. S. 78.

³³ Ibid. S.79.

ствительна³⁴. Как же Дессауэр выходит из положения? Он говорит, что в этой области изобретение (Lösungsform) было “не каким-то неопределенным, произвольно данным, но зафиксированным в своей бытийной определенности качественной данностью”³⁵. Именно поэтому и оказывается возможным обнаружить изобретение (изобретательскую идею).

По существу Дессауэр признаёт существование пред-данных форм, не противоречащих законам и подчинённых им. Такого типа “предданные формы” он называет “предопределёнными объектами” (prästabilisierte Objekte). Причём после открытия “предопределённого объекта” каждый техник создаёт свое собственное приближение к “идеальной форме” (Lösungsform), которая ему “пред-стоит”, открываясь.

Впервые понятие “предопределённое изобретение” Дессауэр рассмотрел ещё в работе “Философия техники” в 1927 г. А до него существование этой формы обсуждал, по признанию самого Дессауэра, А. де Буа-Реймон (A. Du Bois-Reymond) в работе “Erfindung und Erfinder” (1910).

Однако даже при такой аргументации остается открытым вопрос: является ли “изобретение” – “открытием”? Для де Буа-Реймона – да. Дессауэр в ответе на этот вопрос менее категоричен. Например, открытие Америки, космических лучей и им подобно-го суть открытия того, что уже существовало в наличном мире, реальности до самого момента открытия.

С изобретением дело обстоит сложнее. По мнению Дессауэра, де Буа-Реймон не прав. И вот почему. Да, изобретение есть тоже открытие, но, говорит Дессауэр, “не в пространстве действительного, а в пространстве возможного”³⁶. На примере этого рассуждения видно, что Дессауэр оказывается непоследовательным сторонником платонизма в вопросе о сущности и природе техники.

Чтобы распутать клубок проблем “действительного – возможного”, Дессауэр вводит представление о нескольких мирах.

Прежде остальных Дессауэр выделяет мир, предопределяющий способы и формы решений. Этот мир *основывает и ограничивает технику*, которая благодаря ему определяется по принципу: “немыслимо, следовательно, невозможно”. Именно поэтому “вечный двигатель” оказывается онтологически невозмож-

³⁴ У Платона ведь была область подлинно сущего. Дессауэр, существование такой области не признает.

³⁵ Dessauer F. Streit um die Technik. S. 79.

³⁶ Ibid. S. 82.

ным³⁷. Дессауэр называет этот мир также “огромной надмирной областью” – это мир скрытых, потаённых, ещё не реализовавшихся образов, которые лишь благодаря человеческой деятельности приобретают реальное существование. Это мир, который может стать *порождённым*. И здесь мы намеренно приведем высказывание Дессауэра, которое оказывается для понимания его позиции чрезвычайно важным:

Человек, как носитель формообразующей силы исследований, оформлений, выработки необходимого, именно как возмутитель спокойствия, черпает властвующие нормы из потенциального космоса, способствуя их проявлению в действительности³⁸.

Мы видим, что Дессауэр допускает нечто совершенно немислимое для философа XX в. – существование неявной области, которая одновременно, – и это мы хотим подчеркнуть специально, – сосуществует одновременно с явной, той, которая дана нам в ощущениях и мышлении. В этом случае получается, что человек-изобретатель почти в фотографическом смысле проявляет “образы” неявного мира в явном³⁹. Фактически Дессауэр описывает то, что в предшествующей работе о сущности техники было обозначено нами как “Пропись”⁴⁰. Но для того чтобы привести формы и образы из “небытия наличного мира” в “бытие наличного мира”, необходимы “формообразующие врождённые способности человека, являющиеся основой технически происходящего в истории”⁴¹. Это мир человеческих способностей и действий.

Но здесь опять может возникнуть неприятный вопрос: почему то, что нужно человеку – в смысле технической надобности, – должно обязательно иметь соответствующую форму в этой “особой надмирной области” форм и образов? Ведь, скажем, человеку сегодня не помешал бы ни “вечный двигатель”, ни физико-химические агрегаты, имеющие КПД 90–95% и более для освоения космоса или для энергообеспечения современных нужд.

³⁷ Дессауэр говорит по этому поводу: “Только законосообразные возможности оказываются осмысленными в технике. Здесь её (техники. – А.П.) граница. Эта граница постоянно отодвигается, чем более мы познаём природу, но никогда не исчезает” (Ibid. S. 83).

³⁸ Ibid. S. 83.

³⁹ “Изобретающий человек, – говорит Дессауэр, – используя аналогию с фотоснимком, – делает скрытые образы “проявленными”, раскрывая их, преобразуя их в узнаваемый и конкретный образ произведения (Schöpfung), – является одним из источников этой динамики” (Ibid. S. 84).

⁴⁰ См.: Павленко А.Н. Возможность техники: взгляд из Лавры и голос из Марбурга. С. 390–392.

⁴¹ Dessauer F. Streit um die Technik. S. 84–85.

Дессауэр даёт на этот вопрос отрицательный ответ: техника возможна только как “композиционная симметрия” этих двух миров – мира возможных форм и мира человеческих потребностей: “Она возможна, пожалуй, только как *структурное подобие*. Словарь языка человеческих нужд, желаний должен идеально соответствовать словарю осуществимых форм, с возможно лежащим в основе этого – одно-однозначного соответствия слов”⁴². Здесь мы обнаруживаем концептуально полное понимание “Прописи” Дессауэром, только выраженное в *подобии значений*. Другими словами, Дессауэр не пользуется термином “Пропись”, но содержание понятия “Пропись” им истолковывается адекватно.

Остается только удивляться, как Дессауэру удалось понять необходимость не только соответствия *техники* (технических изделий) *законам природы*, но и необходимость *потребностей человека – возможностям природы*. Вывод оказывается поразительным: *технический человек идеально соответствует природному миру, в котором он живёт!*

Но в этом случае мы видим, что Антропный космологический принцип (АКП) оказывается причастным и технике. Это, по существу, философское открытие Дессауэра. И если в космологии и физике сам факт допустимости существования наблюдателя ставится в зависимость от физико-химических и топологических свойств именно такой Вселенной, то в философии техники Дессауэра в зависимость от физико-химических и топологических свойств и законов именно такой природы ставится сам факт человеческих изобретений, а также то, что *потребности* человека идеально соответствуют возможностям такой природы.

7. КРИТИКА ДЕССАУЭРОВСКОГО ПОНИМАНИЯ СУЩНОСТИ ТЕХНИКИ ИЛИ МНИМАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ ПЛАТОНИЗМА

Отношение к миру пред-данных форм в новоевропейской философской мысли всегда было неоднозначным. Поэтому вполне объясним тот факт, что направление в объяснении сущности техники, которое связывается в начале XX столетия с именем Фридриха Дессауэра, т.е. направление, опирающееся на платонизм и христианское богословие, в конце прошлого столетия оказывается не только предметом жёсткой критики, но откровенных насмешек. Это стало возможным благодаря тому, что Постав, о ко-

⁴² Ibid. S. 85.

тором говорит Хайдеггер, полностью овладевает человеком. Для него теперь всякое выхождение за границы Постава кажется “небылицами” и “фантазиями”. Чудовищная сила Постава проявляется ещё и в том, что он *парализует* волю и мышление человека, не оставляя ему никаких “иных” путей для манифестации жизни и движения мысли. Постава становится тотальным в своей обезоруживающей “очевидности”.

Постава принимает разные облики: то форму утонченного конвенционализма, то уверенного в себе самозаконотворительного антропоцентризма с легким прагматическим оттенком. Именно с точки зрения последнего дессауэровское понимание сущности техники оказывается предметом не просто критики у Гюнтера Рополья, одного из ведущих немецких специалистов по философии техники во второй половине прошлого столетия, но буквально объектом “публичного наказания”, цель которого – раз и навсегда поставить точку на притязаниях платонизма в объяснении природы техники, а вместе с этим и на притязаниях самого Дессауэра.

Так, подвергая критике платоническое объяснение сущности техники в целом, Рополь говорит следующее: “Я с трудом удерживаюсь от соблазна опровергнуть ход мыслей Дессауэра примерами из технической практики: возможно, здесь я прямо впал бы в сатирическую манеру полемики, если бы стал рассматривать, например, вопрос о том, предустановлены ли передний и задний приводы в платоновском царстве идей”⁴³.

Цена ответа на этот аргумент Рополья – огромна; фактически, на карту поставлена репутация не только самого Дессауэра, не только репутация платонизма, но “репутация” самой реальности, оказывающейся в следствиях этого аргумента аморфной, косной и пассивной. Активность, как мы увидим ниже, признается только за человеческим сознанием. Отсюда и едва сдерживаемая насмешка Рополья: как же иначе может восприниматься платонизм в конце XX столетия – столетия полетов в космос, суперкомпьютеров и выращиваемых клонов.

Итак, рассмотрим, действительно ли так безупречна позиция самого Рополья и его сторонников.

Платон излагал учение об идеях для мира, где господствовало естественное. В связи с этим возникает нетривиальный вопрос: *существуют ли идеи вещей технически созданного человеческого мира?*

Ответ на этот вопрос зависит в свою очередь от ответов на два других вопроса:

⁴³ Рополь Г. Указ. соч. С. 211.

Как осуществляется появление технически нового?

Что значит “быть технически новым”?

Начнем со второго вопроса. Принято считать, что новое – это то, что не существовало до его появления. Но что значит “не существовало”?

Возьмем простейший в смысле простоты демонстрации пример. До появления ядерной бомбы в 40–50-е годы XX столетия её раньше не существовало в этом мире. Это совершенно справедливое утверждение, с которым трудно не согласиться. Однако какой *принцип*, какая зависимость природы лежит в основании этого технического изобретения человека? Из физики хорошо известно, что такое изобретение возможно создать в принципе (в идее), ибо существует явление природы – деление ядер урана, которое происходит во Вселенной независимо от того, создал человек в XX в. ядерную бомбу или нет. Следовательно, зависимость (или идея рода сущего – “деление ядер урана”) вообще *не является с онтологической точки зрения новой*. Новой оказывается только форма проявления этого рода сущего, поставленного человеком себе на службу. В этом случае едва ли можно сомневаться в аргументации Платона: принципы (идеи), хотя бы уже и заложенные в природе, предшествуют изобретениям человека. Человек не изобретает принцип деления ядер урана, но *открывает* его, обнаруживает для себя. Как было показано в нашей предшествующей работе, такого понимания изобретения придерживались и Павел Флоренский, и Мартин Хайдеггер⁴⁴.

Пример с ядерной бомбой – простейший пример в том смысле, что здесь изобретение человека скорее подражает природе, копирует её с точки зрения ее сущности. Человек изобретает новую форму проявления для *уже сущего рода бытия*.

Установив это, мы теперь можем конкретизировать понятие “новое”.

Во-первых, под “новым” может пониматься *сущность* некоторого рода сущего. Например, принцип “делимости ядер урана”.

Во-вторых, под “новым” может пониматься *только форма проявления* самой сущности этого рода сущего.

Ясно, что в изобретении ядерной бомбы речь может идти только о новизне второго типа. Но ведь и Платон никогда не утверждал, что “чашность” проявляется только в форме этой – например афинской, а не мегарской, фиванской или какой-то другой конкретной чаши.

⁴⁴ См.: Павленко А.Н. Возможность техники: взгляд из Лавры и голос из Марбурга. С. 386–408.

Поэтому рассмотрим сложный пример Гюнтера Рополя, которым он хотел свести платонизм Дессауэра к абсурду: разве существуют, спрашивает Рополь, предустановленные идеи “заднего и переднего привода автомобиля”?

Ответ на него начнем с того, что сами по себе формы “заднего” и “переднего” приводов – условны, ибо определяются особенностями биологического строения человеческого тела, – ведь органы зрения расположены на лице, а не на затылке. Хотя уже прозвучало слово “лицо” и “затылок”, мы невольно устанавливаем ориентацию в пространстве. Поэтому, задавая свой вопрос, Рополь скорее спрашивает об “идее привода” как такового, а не о его “переднем” и “заднем” способах проявления, т.е. говорит о приводе как-то ориентированном в нашем трехмерном пространстве.

Итак, можем ли мы сказать, что – как и в случае первого примера (с изобретением атомной бомбы) – человек заимствует сущность некоторого рода сущего “из-вне” и наделяет его формой: человекообразной, человекопригодной, человекодоступной?

Следует признать, что привод в своей сущности есть способ передачи движения. И так, как он осуществлен в автомобиле, – в природе не существует. Следовательно, можно прийти к следующим выводам:

- Есть сущности, которые уже проявлены в природе и человек заимствует их у неё.
- Есть сущности, которые человек не обнаруживает в явлениях и принципах природы (и, соответственно, не может их заимствовать у неё).

Теперь зададимся вопросом: если сущности открываются в природе, то как он заимствует их для изобретений?

Деление ядер урана рассматривается как техническое приложение специальной теории относительности (СТО). Но ведь сама сущность дефекта массы – превращение части “вещества” в энергию – никоим образом не была заимствована из природы. Следовательно, мы вынуждены признать, что

- существует область родов сущего – сущностей, которая предшествует как проявленным, так и непроявленным в природе формам.

Поэтому ответ на вопрос “что такое новое?” с онтологической точки зрения лишен смысла. Бытие – охватывающее собою как проявленное в сущем, так и непроявленное в нём – не имеет чего-то внеположенного себе. Сущностительное “бытие” в русском языке не имеет множественной формы. Следовательно, “внутри” самого бытия по отношению к нему самому новизны нет и быть не может.

Итак, мы установили, что с онтологической точки зрения новизны нет и, следовательно, её нет и в технических изобретениях человека, т. е. в “автомобильном приводе” в том числе.

Однако в каком-то смысле осознанно или неосознанно, большинство людей говорят о “новом”. Очевидно, что делают они это с *антропологической точки зрения*. Вот та область, в которой новое – например, изобретение “радио” – обретает смысл. Но и здесь возможно возражение – ведь сам человек расположен в бытийствующем сущем. Он сам есть отверзтость бытия. Не получается ли так, что в человеке бытие само впервые встречается с новым?

Чтобы ответить на это возражение, необходимо дать ответ на первый заданный в начале раздела вопрос: как происходит *появление технически нового*?

Рополь и его сторонники отвечают на него, фактически разрывая бытие на две области: область человека, его сознания, его Я; область, кладущую субъектом перед собой в качестве *предмета*, стороннего и разъятого.

Только выполнив это условие, становится возможно утверждать, что человеческое бытие есть особенное бытие и, поэтому способно самочинно производить *из себя новое*. “Я хотел бы дать понять читателю, – пишет Рополь, – что я со своей стороны рассматриваю изобретение как первичное, противоположное произведение человеческого сознания”⁴⁵. Достигается такое творчество за счет “планирующей, интеллектуально управляемой и направленной на будущее деятельности, а также за счет человеческой способности, в представлении перемещать в пространстве и времени, комбинировать любую черту наличного”⁴⁶. По мнению Рополя, именно человеческое сознание является источником технических изобретений: “Техника является не чем иным, как преодолением природы посредством человеческого сознания”⁴⁷.

Позиция Рополя хороша тем, что она откровенна. В ней нет двусмысленностей, недоговорок и отсылок. Этим она для нас и представляет ценность.

Итак, утверждая, что новое – это произведение человеческого сознания, Рополь, дает ответ на второй поставленный в начале раздела вопрос – “Что есть технически новое?”. Утверждая, что новое возникает из “планирующей, управляющей, направляющей и комбинирующей деятельности человеческого сознания”, Рополь отвечает и на первый, поставленный в начале раздела во-

⁴⁵ Рополь Г. Указ. соч. С. 216.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 217.

прос “Как возникает технически новое?”. Пространный ответ Рополя на этот вопрос можно представить в простой форме: *технически новое есть комбинация наличного!*

Выраженная *просто* и *явно* эта позиция не выдерживает никакой критики. Действительно, если в наличности, на которую фактически опирается Рополь, не содержится технически нового, т.е. попросту *оно в ней отсутствует*, то сколько не комбинируй в “сознании”, в “пространстве и времени” это “отсутствие”, никогда из него не возникнет “присутствие”. Или совсем лаконично – “из ничего не возникает нечто”.

С нашей точки зрения, в основании позиции Рополя лежит неосознаваемое им положение, согласно которому существуют две реальности: *первая реальность* – природа; *вторая реальность* – человек. Если технических приспособлений нет в природе, то они “должны быть” в человеке, в его сознании. Мне представляется такая позиция Рополя и его единомышленников ошибочной, так как в основании их аргументации лежит неправильный силлогизм:

Человеческие изобретения не существуют в природе

Принцип “привода автомобиля” не существует в природе

Принцип “привода автомобиля” является человеческим изобретением

Очевидно, что вывод в этом умозаключении неверен ни с логической, ни с эпистемологической точек зрения. С логической точки зрения он неверен уже в силу того, что хотя бы одна из посылок должна быть утвердительной. Действительно, из того факта, что принцип “привода автомобиля” не существует в природе с *логической необходимостью* не следует, что он является человеческим изобретением. В самом деле из того, что “парнокопытные не суть насекомые” и “дельфины не суть насекомые” логически не следует, что “дельфины суть парнокопытные”.

С эпистемологической точки зрения он неверен, так как первая посылка является *ложной*. Ибо, как допускал Дессауэр, должен существовать *особый мир “предопределённых форм”*, который пред-стоит первым двум: “миру природы” и “миру человека (его нужд)”.

Основной вывод, который мы можем сделать на основе анализа “опровергающей аргументации” Рополя, заключается в следующем: недостаточность платонизма в объяснении сущности современной техники оказывается мнимой.

Здесь, конечно, следует подчеркнуть, что ошибочность критики платонизма Рополем сама по себе не может служить обоснованием самого платонизма. Из отрицания, как известно, следует всё что угодно или, проще говоря, из того, что неправ Рополь, не следует, что прав Платон. Это так. Но для нас критика позиции самого Рополя важна еще и потому, что в его лице критикуется самое распространенное убеждение современной философии и техники: будто творческое мышление человека, помноженное на его практическую деятельность, создает некий особый “третий мир” ? мир технических достижений (мир искусственной природы).

Однако *платонизм* Дессауэра – это скорее эпистемологическое и онтологическое измерение его объяснительно-описательного пространства природы техники. Для реконструкции природы техники во всей её полноте Дессауэр присовокупляет еще одно её измерение – религиозное. Но оно заимствуется из совершенно иной платонизму области.

8. БОГОСЛОВИЕ ТЕХНИКИ: “ERITIS SICUT DEUS”

Будучи одним из ведущих специалистов в области физической медицины в донацистской и послевоенной Германии, Дессауэр демонстрирует не только свою приверженность идеям близким платонизму, но выступает открыто – в публичных дискуссиях и печати – с религиозным обоснованием техники вообще и современной техники в частности. Пример поразительно редкий для “сверхпросвещённого” XX в.

Как мы помним, из предыдущих разделов работы о “Возможности техники”, Павел Флоренский демонстрировал принятие современной техники, идущей “рука об руку” с биологией⁴⁸, тогда как Мартин Хайдеггер неявно склонялся к её неприятию, подвергая критике её сущностную основу – Постав. Позиция, занимаемая в этом вопросе Дессауэром, оказывается ближе позиции Флоренского. Однако, в отличие от последнего, Дессауэр не просто допускает “положительный взгляд” на современную технику, но аргументирует его теологическую обоснованность, опираясь прежде всего на *иудейско-христианское учение о творении мира Богом*. И здесь мы обнаруживаем мировоззренческий, если не сказать решительнее, идеологический раскол Дессауэра с пози-

⁴⁸ См.: Павленко А.Н. Возможность техники: взгляд из Лавры и голос из Марбурга. С. 386–408.

цией критиков оснований *современной* техники. Дессауэра не устраивает ни подход Хайдеггера к объяснению современной техники, видящего в ней прежде всего “величайшее заблуждение” (*Grundirrtum*), ни подход современных ему богословов, видящих в ней “величайшее зло” и демоническую природу.

Вопрос о религиозных основаниях современной техники чрезвычайно важен для нас ещё и потому, что в современной российской литературе он, сколько нам известно, вообще не подвергался серьёзному анализу, если не считать те редкие случаи, когда техника лишь вскользь упоминается в связи с возникновением новоевропейского экспериментального естествознания и рассмотрением участия в этом религиозных взглядов. Между тем в Германии, как в первой трети, так и в 50–60-е годы прошлого века, тема связи техники с религией (теологией) обсуждалась неоднократно. Участвовал в этих обсуждениях и Дессауэр. Именно в полемике с богословскими оппонентами Дессауэр уточнял свою позицию в вопросе о религиозных основаниях техники, в существовании которых он нисколько не сомневался.

Здесь “богословие техники” можно рассматривать двояко. Во-первых, с антропологической точки зрения. Во-вторых, с онтологических позиций. В первом случае речь идет о том, как и в чём религиозная составляющая техники открывается человеку. Во втором – о “религиозном бытии техники”, её религиозной основе. Однако следует иметь в виду, что в отличие, скажем, от законов природы, технические изделия всегда сопряжены с человеком, т.е. онтология техники немыслима без антропологии.

Итак, снова зададим вопрос: когда конструктор или техник впервые сталкивается с религиозным содержанием техники? Самый простой ответ будет заключаться в том, что человек, по мнению Дессауэра, изобретает техническое изделие так, что *находит* саму идею этого изделия, принцип его устройства уже готовым, как именно некоторую данность, т.е. как идею заданную чем-то или кем-то ему *внешним*:

Техник сталкивается с ситуацией, когда сформулированная проблема, особенно очень сложная, “находит” решение после долгих усилий, когда оно (решение. – *А.П.*) иногда “приходит” в виде “озарения”. Язык здесь предлагает следующие формы выражения: “сделанное-не-само-произвольно” (*Nicht-sebst-willkürlich-machen*), *обнаружение* такого неожиданного решения, которое очень трудно было найти. Всё это означает предсуществование вещи в идеальном существе⁴⁹.

Так техник-изобретатель впервые сталкивается с “беспричинностью” появления “решения” технической проблемы. Од-

⁴⁹ *Dessauer F. Streit um die Technik. S. 118.*

нако многие техники и конструкторы с этим феноменом и подобной его интерпретацией, пожалуй, согласятся. Но вот вопрос о роли техники, её назначении, её онтологических и, тем более, религиозных истоках более сложен, поэтому всегда вызывал и продолжает вызывать самые ожесточённые споры. Заметим, что основная книга Дессауэра так и называется – “Спор о технике”.

Как отмечает сам Дессауэр, в 50–60-е годы прошлого столетия обострилась дискуссия вокруг темы “технический человек” и роли техники в современном мире. По мнению некоторых теологов, – среди которых он выделяет наиболее радикальную позицию пастора Эберхарда Гестриха (Eberhard Getstrich), высказанную последним на коллоквиуме в Дармштадте в 1952 г., посвященном обсуждению темы “Человек и техника”, – получает распространение убеждение, согласно которому “технический человек восстал против бога”⁵⁰. Гестрих выступил публично с обвинениями в адрес защитников “технического человека” вообще и “технического оптимизма” Дессауэра в частности.

Отвечая на критику, Дессауэр обращается за поддержкой к текстам Ветхого и Нового заветов. Так в книге Бытия (3.5) сказано буквально следующее:

Но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло... (курсив мой. – А.П.)

Выделенная курсивом фраза “*вы будете как боги*” в латинском оригинале приобретает форму афоризма “*Eritis sicut Deus*”. Но ведь, замечает Дессауэр, именно это в наши дни техника и делает. Наоборот, по мнению Гестриха, современная человеческая техника “демонически непонятна”, переделывает сотворенный богом мир, а самого человека при этом опустошает⁵¹.

Критические выпады Гестриха Дессауэр парирует обращением к древнеиудейским текстам. Так в вавилонском талмудическом трактате P’sahim (“Песахим”) сказано, что Адам, демонстрируя свое творчество в первую Субботу, изобрел искусство высекания огня.

Ссылаясь на Иосифа Виллема, Дессауэр напоминает, что Сын Божий пришёл в мир как простой ремесленник – сын плотника Иосифа. По мнению Виллема, в ремесленной артели, к которой принадлежал сам Иисус, господствовали отношения *равен-*

⁵⁰ Ibid. S. 119.

⁵¹ Точка зрения Гестриха приводится на основе той обширной выдержки из его речи, которую намеренно приводит Дессауэр на стр. 120 своей работы “Спор о технике”.

ства, которые Иисус позднее станет проповедовать. Более того, Дессауэр приводит ссылку на Евангелие от Марка, где в стихе 6.3. читаем следующее:

...Не плотник ли Он, сын Марии...

Эти и другие текстуальные свидетельства прямо указывают, по мнению Дессауэра, на то, что священные библейские тексты ни в коем случае не осуждают технику, равно как и техническую деятельность, но сами суть свидетельства о “технике” и “техниках”.

На это можно было бы возразить в том смысле, что, мол, тексты, конечно, упоминают “технику” как предмет повседневного обихода и профессиональных занятий, но сами по себе не содержат явно или неявно некоторого руководства по “техническому переделыванию” мира или “техническому достраиванию” его человеком. Бог один творит мир и его формы, человеку следует лишь пользоваться творениями.

В самом деле отсюда напрашивается нетривиальный вывод: всё, что не сотворено Богом, – от диавола! Другими словами, современная техника имеет демоническую природу. Вывод, которому трудно отказать в правильности. Однако его следствие в значительной степени зависит от истинности исходной посылки: Бог единоактно сотворил мир и все доступные человеку формы этого мира. Неявное допущение, лежащее в его основе: все подлинно сущее уже было сотворено Богом.

Эту проблему можно сформулировать в форме дизъюнкции: *весь ли мир был сотворён Богом в самом “начале” или это творение, будучи неполным, продолжается в истории вплоть до настоящего времени?*

Оппоненты Дессауэра – например тот же Гестрих, – придерживались точки зрения, выраженной в первом высказывании приведенной дизъюнкции со всеми вытекающими из этого следствиями о демонической природе современной техники.

Дессауэр и те, чьё мнение полностью или частично совпадало с его собственным, придерживались альтернативной точки зрения: мир продолжает *досотворяться* человеком в современную нам эпоху. “Сотворческий” энтузиазм человека есть даже не столько его способность, сколько его обязанность! В работе, написанной совместно с Ксавье фон Хорнштайном⁵², опираясь на общность библейской вести о творении и естественно-научного учения об эволюции, Дессауэр формулирует тезис о “продолжа-

⁵² См.: *Dessauer Fr., Hornstein X. Seele in Bannkreis der Technik. 2 Aufl. Olten; und Freiburg: Walter, 1945.*

ющемся творении” (Weiterschöpfung) природы посредством технически творящего человека⁵³. Если Бог творит мир “из ничего”, то человек досотворяет его, производя вещи из мира возможно в мир действительного. Дессауэр для большей убедительности ссылается на слова из книги Бытия (1.28), где говорится: “...И наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте...”.

Свою позицию в объяснении религиозных основ техники Дессауэр излагает следующим образом:

С теологической точки зрения творение, согласно сказанному, не отрицается, но, говоря в самом высоком смысле, продолжается. Бог творит не только “в начале”, но постоянно, благодаря творению, которое он сопровождал устремлением к развитию, некоторой внутренней упорядоченностью этого развития (физическими и биологическими законами), а также людьми, которые могут целеустремленно продолжать творить....⁵⁴

В результате мы можем сделать вывод по вопросу о соотношении “религии” и “техники”: ни сами священные тексты, ни сама логика и природа технического творчества не только не вступают между собой в противоречие, но, наоборот, органично зависят друг от друга.

Достижения современной техники – а Дессауэр знал о них не по наслышке, ибо сам был первым, кто применил рентгенографию в медицине, и, следовательно, “значение техники” было для него не абстрактным понятием – суть безусловное благо для человека. Техники и инженеры – творцы этого блага.

Здесь уместно сослаться на самую раннюю работу Дессауэра “Техническая культура”, в которой он рассматривает миссию Христа и миссию Техники в истории мировой культуры как сопряжённые воедино:

Христос стал, в этом мы совершенно уверены, величайшим свидетелем нашего времени, поскольку это время есть время приближения к его царству⁵⁵.

Для современного конструктора или инженера слова Дессауэра звучат несколько “отвлечённо” и “высокопарно”. В самом деле, когда учёный и инженер применяют свои знания, признается Дессауэр, Христос бесполезен. Но Христос, согласно Дессауэру, приобретает свое исключительное значение тогда, когда дает “идеальный замысел техники”, дает “техническую культуру”. Следовательно, усилия того, чья деятельность творит неправед-

⁵³ Что это было именно так, подтверждает и Клаус Тухель: *Tüchel K. Die Philosophie der Technik bei Friedrich Dessauer. Ihre Entwicklung, Motive und Grenzen.* Frankfurt a. M.: Verlag Josef Knecht, 1964. S. 57.

⁵⁴ *Dessauer F. Streit um die Technik.* S. 128.

⁵⁵ Цит. по: *Tüchel K. Op. cit.* S. 23.

ную технику, не способствуют осуществлению божественного замысла в человеческих целях:

Рассмотрим, – говорит Дессауэр, – плоды нашего времени непредвзято! Не то, что прилипло к ним в качестве болезней и пошлостей, но то, что оно принесло в своем величайшем развитии. Рассмотрим эти великие, господствующие плоды познания, свободы, величия, заботы о человеке! Рассмотрим их честно, прямым взором и ясными очами! И рассмотрим то, что мы для этого сделали, рассмотрим наши собственные плоды! Христос сказал: “По плодам их узнаете их”⁵⁶.

Итак, исследуя “богословие техники” Дессауэра, мы сталкиваемся с поразительной картиной: Хайдеггер, Хёсле и другие критикуют иудейско-христианскую теологическую доктрину, библейскую традицию вообще за то, что она подготовила определенного рода отношение к природе и соответствующую этому отношению технику. Именно эта традиция по существу привела к Поставу.

Дессауэр же, наоборот, откровенно выступает с иудейско-христианских позиций, прямо указывая на то, что степень осуществления *мирового закона развития* “технической культуры” есть мера культуры человеческой цивилизации в целом. Только техника должна быть христианизированной, т.е. благодатной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог изложению “технического проекта” Дессауэра, мы можем сделать несколько результирующих выводов относительно как самого проекта, так и его места в окружении других проектов и взглядов.

Первый и, пожалуй, самый главный вывод заключается в том, что “возможность техники” – её сущность – коренится, согласно Дессауэру, не в объектах материального мира и не в “материальных человеческих потребностях” – этой неизменной иконе материализма, – а в мире “предопределенных форм и образов”, или, попросту говоря, в мире идей⁵⁷. Здесь Дессауэр фактически повторяет аргумент Платона: если не признать существования

⁵⁶ Цит. по: Ibid. S. 23.

⁵⁷ В самом деле появление процедуры “теоретического доказательства” в античной науке может служить ярчайшим примером его независимости от “материальных человеческих потребностей”. Дело в том, что сам процесс “доказательства” избыточен в отношении “материальных потребностей”. Мотива “материальной потребности” в доказательстве попросту нет! В определенном смысле наука (теория) была формой занятий аристократов по преимуществу: поэтому они производили доказательства, образно выражаясь, с одной целью – “чтобы ум испытывал радость и наслаждение, прикасаясь к истине”.

мира идей, то всё становится необъяснимым. Возникновение нового образа или формы не может быть объяснено из отсылки к “опыту” или “креативному воображению”, на что опирался Г. Рополь и его единомышленники.

Другой немаловажный вывод заключается в том, что мир, природа, согласно Дессауэру, не были сотворены один раз и навсегда. Миссия технического человека – досотворять мир! Отсюда онтологический статус техники: она – естественное условие и естественный этап этого досотворения. Следовательно, современная техника есть не демоническое начало, опустошающее человека, но прямое осуществление Завета, изложенного в первых главах Библии.

Мы видим, что Дессауэр оказывается в положении александрийского учёного, для которого ответ на вопрос “что делать?” дается в древнеиудейском мифе о творении, а ответ на вопрос “как делать?” – в древнегреческих текстах Платона. Это значит, что Дессауэр допускал возможность союза Афин и Иерусалима. Так и есть: новоевропейская наука и техника стали возможны только тогда, когда нашлись те, кто догадался направить острие греческой теории на покорение природы и её “досотворение”.

* * *

В заключение хочу выразить глубокую признательность профессору Алексею Нестеруку (Университет в Портсмуте, Великобритания) за предоставленную мне возможность ознакомиться с сочинениями Фридриха Дессауэра и других философов техники.

МАЙКЛ ДАММИТ О РЕАЛИЗМЕ¹

Л.Б. Макеева

Если попытаться составить список наиболее обсуждаемых современными аналитическими философами тем, то реализм бесспорно займет в этом списке одно из первых мест. Дискуссии между сторонниками и противниками реализма не утихают уже несколько десятилетий, постоянно возобновляясь то в философии

¹ Работа выполнена при поддержке индивидуального исследовательского гранта 2006 г. Научного Фонда ГУ-ВШЭ (номер гранта 06-01-0076).